

НИКОЛАЙ НАМЕСТНИКОВ

ПО ДОРОГАМ БЕЗМОЛВНОЙ ОТЧИЗНЫ

КАИН

Пройду сквозь дождик, не замечая холодных капель,
в рябую осень, навстречу клёнам, судьбе навстречу.
Никто не спросит: “Скажи мне, Каин, где брат твой, Авель?”
А если спросит — пройду тихонько и не отвечу.

А в парке — вечер. А в парке — ветер. А в парке — лужи.
А в парке мокрый сентябрь дымится в остывших кронах.
А в парке можно хоть до рассвета бродить и слушать,
как на тропинках о чём-то хрипло кричат вороны.

Метнутся тени к реке с обрыва пугливой чайкой.
Туман накроет града и веси, как мирный атом.
На берег сяду, вздохну тихонько, наполню чарки
себе — и небу, себе — и ветру, себе — и брату.

Потянет горьким субботним дымом с глухих окраин.
С небес холодных, как со штандарта, звезда сорвётся...
— А где же Авель? — Ответит небо: — Он там, где Каин.
Ищите — лучше. Зовите — громче. И отзовётся!

НАМЕСТНИКОВ Николай Владимирович родился в 1962 году в Витебске. Окончил филологический факультет Витебского государственного педагогического института имени С. М. Кирова. Работал школьным учителем русского языка и литературы. Автор сборников поэзии “Забытые небеса” (2000), “На распутьях ветров и дорог” (2004), “Листопад исповедальный” (2008), “Время яблок” (2015).

БАЛЛАДА О ЧУДЕ

История печальна и проста:
она хотела сына от Христа,
юродивая девка из местечка...
А над местечком плыли облака,
шумела за церковкою река,
и в зарослях густого лозняка
на солнце росы таяли, как свечка.

Она хотела доли и любви.
Как возле речки пели соловьи
и песнями ей душу истерзали!
— Любимый мой! — уста её шептали,
искусанные в муке до крови.
И поп, и ксендз её из храмов гнали.
Жалеть — жалели, но не допускали
в законные владения свои...
Тянулась лет пустая череда.
В реке сменились русло и вода.
Дымились звёзды над худою крышей.

История печальна и проста:
она хотела сына от Христа.
Она его звала. А он не слышал.
Ей голову повысеребрил снег.
— Эй, дурочка! — кричали дети вслед
и доставали трубочки с горохом.

— Любимый, где ты? — слышалось в ответ,
и лился от неё смиренный свет,
и небо отзывалось кротким вздохом.

Однажды в блике солнца на волне
привиделся ей светлый лик на дне,
годами в сердце бережно хранимый.
Она любила своего Христа,
она к нему шагнула вниз с моста,
успев тихонько выдохнуть:
— Любимый...

А вечером у душного шинка
шумели два заезжих рыбака,
клянясь, что час назад в тумане белом,
в такое же всё белое одет,
как посуху, шёл кто-то по воде
и чьё-то тело положил на берег.

Пошли к реке. И около реки
застыли потрясённо мужики:
светясь, как будто соткана из молний,
она лежала в свадебном венце,
и столько было счастья на лице,
что даже соловьи — и те замолкли...

...Да придёт чудо в суетные дни!
Любовь — безумью вечному сродни,
она горит в душе среди лжи и худа.
Она — как светлый Господа покров.
Пока над миром царствует любовь —
творится чудо.

ПУТЬ

Этот путь, где нельзя оглянуться,
сжав травинку в зубах на ходу.
Здесь качаются лунною ртутью
чудо-яблоки в сонном саду.

Здесь тревожно чернеют аллеи
и, ночной разорвав полумрак,
точно раны Господни, алеют
языки одичавших собак.

Этот путь из сквалыжных скворечен
за насмешливой синей звездой.
И бессмысленно конным и пешим
отправляться вдогонку за мной.

Здесь не курятся миро и ладан,
здесь горят власяница и медь.
И чеканные строки баллады
здесь не смогут сердца обогреть.

Но идёшь за судьбою капризной,
огонёчек завидя вдали,
по дорогам безмолвной Отчизны,
что светла, словно храм на крови.

* * *

Звезда упала в чистую криницу,
а поутру девчонка из села
лишь зачерпнула пригоршней водицы —
и в юном чреве сына понесла.

Мать голосила, словно по убитой,
отец за вожжи брался сгоряча...
— Мария! — на полях шумело жито.
— Мария! — пели звёзды по ночам.

Она слова обидные терпела
от кумушек-соседок у ворот
и с материнской нежностью смотрела
на белый округлившийся живот.

И плыл лугами сладкий запах мяты,
и шелестели ивы у воды.
Уже кружили ангелы над хатой,
уже волхвы готовили дары.

Но вся округа замолчала жутко,
когда, звеня колесиками шпор,
в своей хрустящей кожаной тужурке
приезжий Ирод в хату к ним вошёл.

Они блестели, новенькие шпоры,
как хорошо начищенный пятак.
А после было полчаса на сборы
и слово непонятное — кулак.

И был вагон. Дорога. Дом казённый.
Лохматые овчарки на цепи.
Кружила казахстанская позёмка
над холмиком в заснеженной степи.

И кто-то плакал под барачной крышей.
И зори кровью красили снега...
Ненужный миру маленький мальчишка,
простишь ли нас? Простим ли мы себя?

ЛИСТОПАД

Деревья в парке шепчутся и светятся,
шурша листвой на тысячу ладов.
Молоденькая девочка-буфетчица
салфетницы снимает со столов.

И, как оберегающая магия,
что всё ещё пропасть ей не даёт,
поблёскивает скромно брошка мамина
на выцветшем халатике её.

Они давно сроднились, точно кровники,
знакомые мне брошка и халат.
Спустясь на паутинке с пёстрой кровельки,
ей постучит в окошко листопад.

Куда ты с ним, наивная, несмелая,
накинув плащик старенький, летишь?
Такая маленькая вся, такая светлая —
за листопадом и не разглядишь...